

Вольтер

**Письма Амабеда и др.,
переведенные аббатом
Тампоне**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В71

Вольтер
В71 Письма Амабеда и др., переведенные аббатом Тампоне / Вольтер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 54 с.

ISBN 978-5-4241-3279-7

Из огромного художественного наследия Вольтера наиболее известны "Философские повести". Писатель блистательно соединил традиционный литературный жанр, где раскрываются кардинальные вопросы бытия, различные философские доктрины, разработанные в свое время Монтескье и Дж. Свифтом, с пародией на слезливые романы о приключениях несчастных влюбленных. Как писал А. Пушкин, Вольтер наводнил Париж произведениями, в которых "философия заговорила общепонятным и шутивным языком".

ISBN 978-5-4241-3279-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Вольтер, 2021

Вольтер
Письма Амабеда и др.,
переведенные аббатом Тампоне

ПЕРВОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ¹ ШАСТРАДЖИТУ, ВЕРХОВНОМУ БРАМИНУ МАДУРЫ ²

*Бенарес ³, 2-го числа месяца мыши
⁶, год от обновления мира 115 652-й ⁷.*

Светоч души моей и родитель помыслов, ведущий людей путями Предвечно-го, сердечный и почтительный привет тебе, высокоученый Шастраджит ⁸!

Следуя твоим мудрым советам, я уже настолько постиг язык китайцев, что с пользою для себя читаю пять их Цзинов ⁹, которые, на мой взгляд, не уступают в древности нашей Шастре ¹⁰, коей ты состоишь толкователем, изречениям первого Зороастра и книгам Тота египетского ¹¹.

В душе своей, неизменно открытой перед тобой, я полагаю, что эти писания и религии ничем не обогатили друг друга: мы – единственные, кому Брама, наперник Предвечного, поведал о восстании небожителей, о прощении, которое даровал им Предвечный, и о сотворении человека; другим народам неизвестно, по-моему, ни слова об этих возвышенных предметах.

Думаю также, что ни мы, ни китайцы ничем не обязаны египтянам. Создать цивилизованное и просвещенное общество они могли лишь гораздо позже нас: прежде чем возделывать поля и воздвигать города, им надо было укротить Нил.

Правда, божественной Шастре всего 4552 года, но, как доказывают наши памятники, заветы, изложенные в ней, передавались от отца к сыну еще за сто с лишним веков до появления этой священной книги.

После взятия Гоа ¹² в Бенарес прибыло несколько проповедников-европейцев. Одному из них я даю уроки индийского языка, а он, в свой черед, обучает меня наречию, имеющему хождение в Европе и называемому итальянским. Забавный язык! Почти все слова в нем оканчиваются на «а», «е», «и» или «о»; дается он мне легко, и скоро я буду иметь удовольствие читать европейские книги.

Зовется этот ученый отцом Фатутто ¹³, он приятный, учтивый человек, и я представил его Отраде Очей, прекрасной Адатеи ¹⁴, которую ее и мои родители предназначают мне в жены. Она учится итальянскому вместе со мною. Спряжение глагола «любить» мы усвоили в первый же день. На остальные нам потребовалось еще два. Она ближе всех смертных моему сердцу; после нее – ты. Я молю Бирму ¹⁵ и Брамю продлить тебе жизнь до ста тридцати лет, по достижении коих она становится лишь обузой.

ОТВЕТ ШАСТРАДЖИТА

Я получил твое письмо, дитя души моей. Да будут вечно простерты над тобой десять рук Дурги ¹⁶, восседающей на драконе истребительницы пороков!

Мы действительно – хотя этим отнюдь не следует тщеславиться – цивилизовались раньше других земных племен. Этого не оспаривают даже китайцы. Египтяне же просто очень юный народ, который сам выучился всему у халдеев ¹⁷. Так не будем гордиться тем, что мы самые древние, а постараемся неизменно быть самыми праведными.

Тебе следует знать, дорогой Амабед, что с недавних пор слабый ответ нашего знания о падении небожителей и обновлении мира замерцал наконец и людям Запада. В арабском переводе некоей сирийской книги, написанной всего веков четырнадцать тому назад, я читаю: «...Господь... и ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня» ¹⁸. В доказательство автор ссылается на сочинение человека по имени Енох, одного из прародителей их племени. Отсюда ты можешь заключить, что варварские народы всегда были озарены лишь случайным, тусклым и обманчивым отблеском дарованного нам света.

Мой дорогой сын, я смертельно боюсь вторжения европейских дикарей в наши благодатные края. Я слишком хорошо знаю, что представляет собой этот Альбукерк ¹⁹, нагрянувший с берегов Запада в страну, любимую светилом дня. Это один из самых отъявленных разбойников, когда-либо опустошавших землю. Он захватил Гоа в нарушение всех договоров, утопив в их собственной крови тысячи мирных и благочестивых людей. Пришельцы с Запада – обитатели бедного края, где почти не производят шелка и вовсе не производят ни хлопка, ни сахара, ни пряностей. У них нет даже глины, из которой мы делаем фарфор. Бог отказал им в кокосовой пальме, дающей тень, кров, одежду, пищу и питье детям Браммы. Им знаком лишь один-единственный напиток, да и тот лишает их рассудка. Подлинное их божество – золото, за которым они готовы лететь хоть на край света.

Хочу надеяться, что твой проповедник – порядочный человек, но Предвечный не поставит нам в грех недоверие к этим чужеземцам. В Бенаресе они овечки, зато, по слухам, сушие тигры там, где европейцы уже утвердились.

От души желаю, чтобы ни у тебя, ни у прекрасной Адатеи никогда не было причин жаловаться на отца Фатутто! И все-таки тайное предчувствие томит меня. Прощай, и пусть Адагея поскорей соединится с тобой священными узами, дабы вкусить небесное блаженство в твоих объятиях!

Это письмо вручит тебе один бания ²⁰, отбывающий отсюда не раньше полнлуния в месяце слона ²¹.

ВТОРОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ШАСТРАДЖИТУ

Родитель помыслов моих, я выучил наречие европейцев еще до того, как твой торговец-бания достиг берегов Ганга. Отец Фатутто по-прежнему выказывает мне искреннюю дружбу. Я всерьез начинаю думать, что он совершенно не похож на тех, чьи коварство и злоба внушают тебе столь обоснованные опасения. Правда, он слишком часто хвалит меня и слишком редко – Отраду Очей, но это и все, что меня настораживает; в остальном он представляется мне человеком в высшей степени добродетельным и благожелательным. Вместе с ним мы прочли книгу, показавшуюся мне очень странной. Это всеобщая история²², в которой ни слова не сказано о нашей древней державе, обширных странах за Гангом, Китае и необъятной Татарию. Видимо, сочинители, проживающие в этой части Европы, – изрядные невежды. Я сравнил бы их с крестьянами, красноречиво разглагольствующими о своих лачугах, но не знающими, как называется наша столица, а еще лучше – с теми, кто полагает, будто мир кончается там, где кончается для них горизонт.

Больше всего меня поразило, что отсчет времени от сотворения мира у европейцев совсем иной, нежели у нас. Мой проповедник показал мне церковный календарь, согласно которому его соотечественники живут сейчас в году от сотворения мира не то 5552-м, не то 6244-м, не то 6940-м²³ – кому как нравится. Эта нелепость изумила меня. Я спросил его, мыслимо ли относить одно событие к трем разным датам. «Тебе не может быть, – сказал я, – тридцать, сорок и пятьдесят одновременно. Почему же ты исчисляешь возраст мира от трех противоречащих друг другу дат?» Он ответил, что эти цифры взяты из одной и той же книги и что у них на родине все обязаны принимать на веру подобные противоречивые суждения, дабы смирять этим гордыню разума.

В той же книге говорится о первом человеке Адаме, о Каине, Мафусаиле и Ное, насадившем виноград, после того как океан затопил весь земной шар, – словом, о великом множестве такого, чего я не слыхивал и о чем не читал ни в одной из наших книг. Когда отец Фатутто ушел, нас с прекрасной Адагеей долго разбирал смех: мы ведь слишком хорошо воспитаны и слишком прониклись твоими правилами, чтобы смеяться над людьми в их присутствии.

Мне жаль несчастных европейцев, сотворенных, самое позднее, лишь 6940 лет тому назад, тогда как мы существуем уже 115 652 года. Еще больше мне их жаль по той причине, что они лишены перца, корицы, гвоздики, чая, кофе, хлопка, лака, ладана, благовоний – короче, всего, что делает жизнь приятной. И особенно уж они жалки мне тем, что, подвергаясь таким опасностям, плывут к нам за тридевять земель лишь ради одной цели – с оружием в руках отнимать у нас съестные припасы. Говорят, из-за перца они совершили в Каликуте страшные зверства²⁴; это приводит в содрогание все естество индийца, совершенно отличное от их естества: грудь и бедра у европейцев покрыты волосами, они носят длинные бороды, и желудок у них плотоядный. Они дурманят себя перебродившим соком винограда, насажденного, по их уверениям, еще Ноем. Даже учтивейший отец Фатутто зарезал двух цыплят, сварил их в котле и безжалостно съел. Этот варварский поступок навлек на него ненависть всей округи, и нам лишь с

трудом удалось успокоить страсти. Да простит меня бог, но мне кажется, дай этому чужеземцу волю – и он съест даже священных коров, дарящих нам молоко! Правда, он поклялся не предавать смерти цыплят и довольствоваться свежими яйцами, молочными кушаньями, рисом, здешними превосходными овощами, финиками, кокосовыми орехами, миндалем, печеньем, ананасами, апельсинами и прочим, что производит наша благословенная Предвечным земля.

В последние дни он стал гораздо внимательнее к Отраде Очей и даже сложил для нее два итальянских стиха, оканчивающихся на «о». Такая предупредительность доставила мне большое удовольствие: ты ведь знаешь, как я счастлив, когда люди отдают должное моей дорогой Адате.

Прощай! Припадаю к стопам твоим, которые всегда вели тебя стезей добродетели, и целую руки, не написавшие ни слова неправды.

ОТВЕТ ШАСТРАДЖИТА

Дорогой мой сын в Бирме и Бrame, мне вовсе не нравится твой Фатутто, убивающий цыплят и сочиняющий стихи в честь Адатеи. Молю Бирму, чтобы опасения мои не оправдались!

Могу поклясться, что, хотя Адам и Ной жили, по его словам, совсем недавно, о них не знает ни одна душа ни в одной части света. В Греции, куда в те дни, когда Александр подошел к нашим границам²⁵, стекались басни со всего мира, – и то не слыхали этих имен. Не диво, что такие винопийцы, как жители Запада, носятся с тем, кто, по их мнению, насадил лозу; но будь уверен, что ни один древний народ из числа известных нам не знал никакого Ноя.

Правда, во времена Александра в одном из уголков Финикии²⁶ жило маленькое племя торгашей и ростовщиков, надолго угнанных перед тем в рабство вавилонянами. За годы пленения этот народец придумал себе историю, и только в ней можно найти упоминание о Ное. Когда впоследствии народец этот добился себе в Александрии всяческих привилегий, его история была переведена на греческий язык. Затем ее перевели на арабский, но известное представление о ней наши ученые получили лишь в последнее время и относятся к ней с не меньшим презрением, чем к жалкой орде, измыслившей ее²⁷.

В самом деле, было бы весьма забавно, если бы все народы, а они родные братья, разом утратили свои родословные записи и те отыскивались вдруг у крошечной ветви человеческого рода, состоящей из ростовщиков и прокаженных. Боюсь, дорогой друг, что соотечественники твоего отца Фатутто, которые, как ты сообщаешь, усвоили подобные взгляды, могут оказаться столь же безумными и смешными, сколь они алчны, коварны и жестоки.

Женись-ка поскорее на своей очаровательной Адате: я еще раз повторяю, что опасаясь Фатутто еще больше, чем разных Ноев.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ШАСТРАДЖИТУ

Благословен во веки веков Бирма, сотворивший мужчину для женщины! Благословен и ты, дорогой Шастраджит, столь способствовавший моему счастью! Отрада Очей – моя: мы поженились. Я не чую под собой земли – я на небесах; при совершении священного обряда недоставало только тебя. Проповедник Фатутто был свидетелем наших святых обетов и без всякого неудовольствия внимал нашим молитвам и песнопениям, хоть он и другой веры. На брачном пиру он также был очень весел. Я изнемогаю от блаженства. Тебе дана иная отрада – ты обладаешь мудростью; а мной обладает несравненная Адатея. Живи долго, будь счастлив и не ведай страстей, иначе, как я, утонешь в море наслаждений. Не могу больше ничего прибавить – вновь лечу в объятия Адатеи.

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ШАСТРАДЖИТУ

Дорогой мой друг и отец, мы с нежной Адатеей едем просить твоего благословения. Пока мы не уплатили этот долг своему сердцу, наше блаженство неполно. Но веришь ли? Мы прибудем к тебе через Гоа, куда отправляемся в обществе известного купца Курсома и его жены. Фатутто уверяет, что Гоа стал прекраснейшим из всех городов Индии и что великий Альбукерк примет нас, как принимают послов, а после даст нам трехпарусное судно, на котором мы доплывем до Мадуры. Он уговорил мою жену совершить это путешествие, а ее желания – мои желания. Фатутто твердит, что итальянское наречие распространено в Гоа еще шире, нежели португальское. Отраде Очей не терпится поговорить на языке, который она только что выучила, я же разделяю любое ее желание. Говорят, бывают супруги, у которых две разные воли; у нас с Адатеей – только одна, потому что душа у нас тоже одна. Словом, завтра мы отбываем, лелея сладостную надежду не позже чем через два месяца пролить в твоих объятиях слезы любви и радости.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО АДАТЕИ ШАСТРАДЖИТУ

*Гоа, 5-го числа месяца тигра²⁸, год
от обновления мира 115 652-й.*

Бирма, услышь мои стенания, воззрись на мои слезы, спаси моего дорогого супруга! Брама, сын Бирмы, повергни страх мой и боль мою к стопам своего отца! Ты оказался мудрее нас, благородный Шастраджит: ты предугадал наши несчастья. Амабед, твой ученик и мой возлюбленный супруг, больше не напишет тебе: он посажен в яму, которую эти варвары именуют тюрьмой. На другой день после нашего приезда какие-то люди, вернее, чудовища – их называют здесь *inquisitori*²⁹, но я не понимаю этого слова, – схватили нас с мужем и бросили в разные ямы, словно мы уже мертвецы, хотя будь это даже так, нас следовало бы по крайней мере похоронить вместе. Не знаю, что они сделали с моим милым супругом. Я кричала этим людоедам: «Где Амабед? Не убивайте его – убейте лучше меня!» Они молчали. «Где он? Зачем вы разлучили нас?» Вместо ответа меня заковали в цепи. Час назад положение мое немного облегчилось: купец Курсом нашел способ переправить мне хлопчатую бумагу, кисточку и тушь. Все это залито моими слезами, рука у меня дрожит, в глазах темно, я умираю.